

Аполлон

1917.08-10

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 7
ББК 85
A76

A76 Аполлон: 1917.08-10 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 164 с.

ISBN 978-5-458-32580-6

Журнал "Аполлон" издавался с 1909 по 1917 в Санкт-Петербурге. Журнал публиковал материалы по истории классического и современного русского и зарубежного искусства, обзоры выставок, театральной и музыкальной жизни в России и других странах; освещал проблемы изучения и охраны памятников русского искусства. Позиции журнала определялись идеалистическими взглядами и изощрёнными вкусами литературно-художественной элиты, видевшей в революции угрозу культуре, иллюзиями о преображении мира искусством с его духовными ценностями и совершенством формы. "Аполлон" проявлял враждебное отношение и к передвижничеству, и к официально-государственному направлению. В журнале публиковались сочинения И. Ф. Анненского, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, В. И. Иванова, М. А. Кузмина, Н. С. Гумилёва, художественно-критические статьи В. А. Дмитриева, А. А. Ростиславова, Н. Н. Лунина, Я. А. Тугенхольда. В 1918 в связи с публикацией ряда антисоветских статей "Аполлон" был закрыт.

ISBN 978-5-458-32580-6

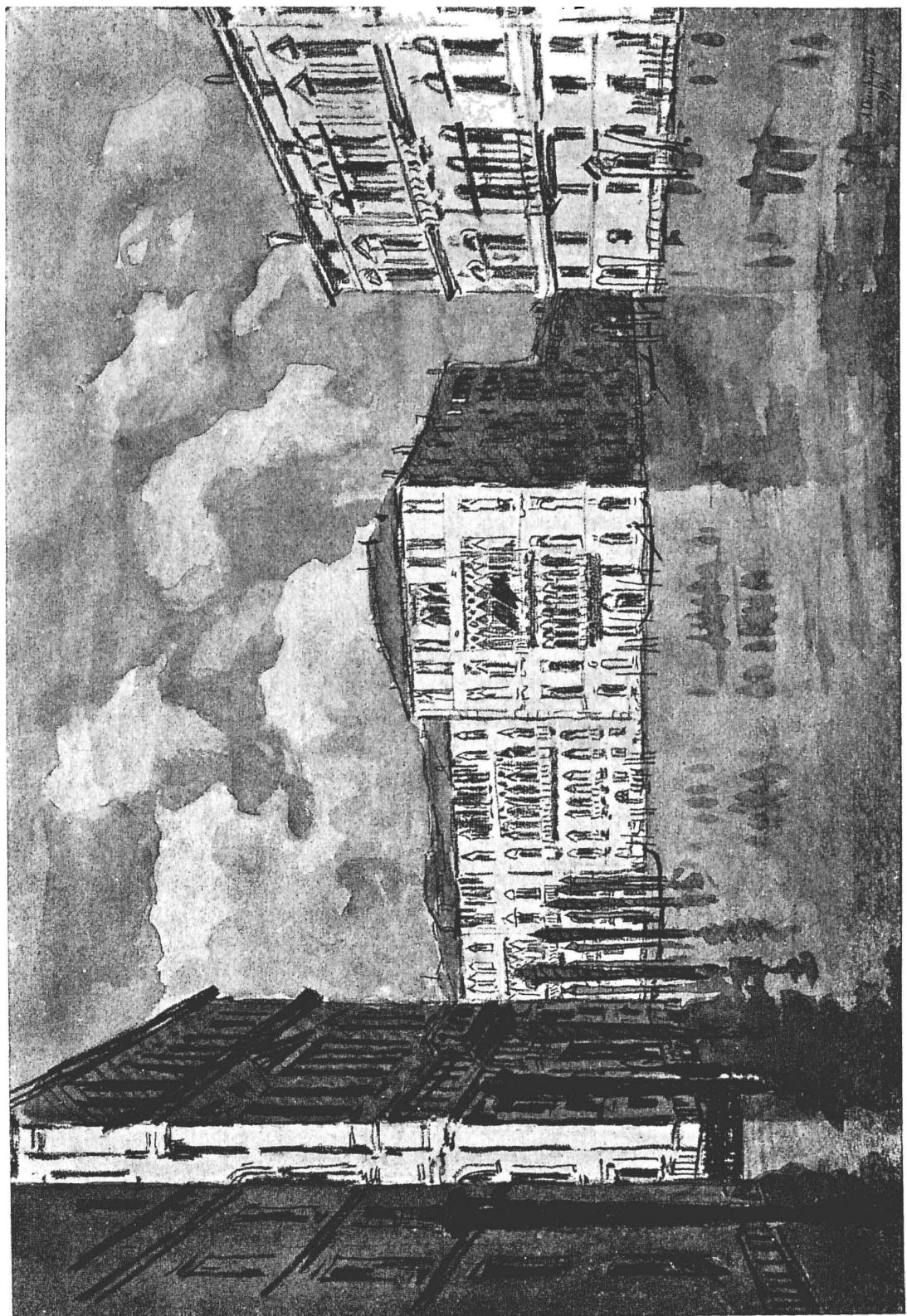
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

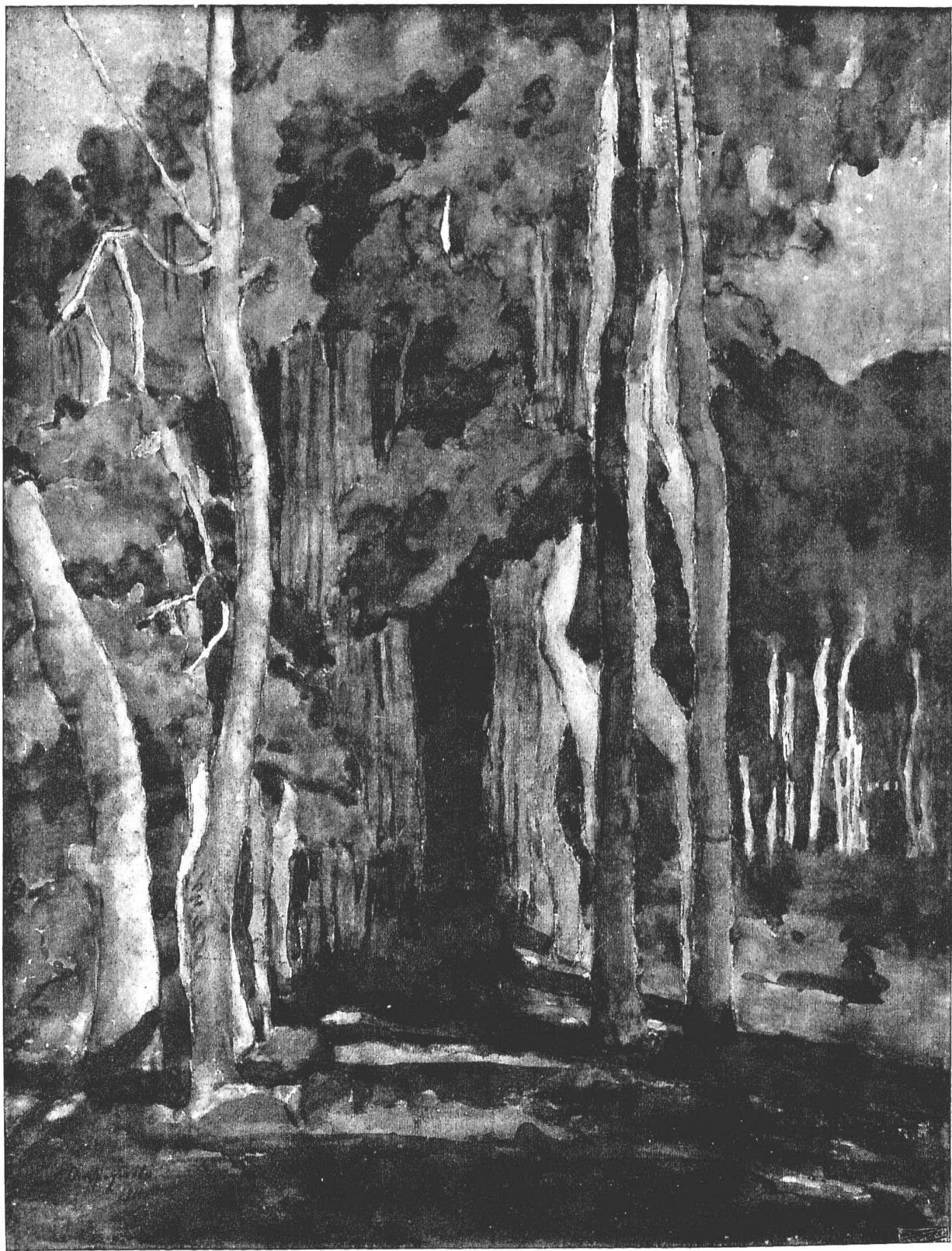
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А. II. Остроумова-Лебедева. Большой Канал в Венеции
(акварель—1911). (Выставка 'Мир Искусства' 1912 г.).

A. Ostrooumova-Lebedeva. *Le Grand Canal à Venise*
(aquarelle). (Exposition 'Mir Iskousstva' 1912 г.).

А. П. Остроумова-Лебедева. Пейзаж (акварель—1910).

A. Ostrooumova-Lébédéva. Paysage (aquarelle).

сонъ, не къ добру онъ, а вѣщій. Мимо! Мимо! Прочь, сгинь!—крикнуть хочешь—духъ захватываетъ, а кошмаръ то растетъ, да гуляетъ. Вихремъ носится, кружится, вертится, вьется бѣсовская вакханалія, рванымъ полотнищемъ по небу разметнулась. Летитъ, все летитъ, какъ пѣсня, краски звенятъ и, летя, словно въ пропасть бездонную падаютъ. Кто устоитъ предъ малявинскимъ ,вихремъ“?

Эхъ, Русь, Русь, Рассея наша! Строилась, собиралась. Снова на поворотѣ. Гной въ крови—видно давній, отъ татарщины—въ голову бросился. Какъ болячка, вѣка нарывало мучительно, вотъ и прорвало. Кто пророкъ? Кто предскажетъ? Долго лѣ красный пѣтухъ прогостить? Знаемъ только, невѣчно ,малявинское“—мимолетно, пронесется оно, минется, какъ и все миновалось.

А теперь—сызнова все. Гарью пахнетъ, рушится старое, лижутъ пламени языки то любимое, что въ костеръ сами бросили, жалость изъ сердца вытравивъ. Дымомъ Россія исходить, клубами юдкаго чернаго дыма, что вьется и копотью наши поля покрываетъ...

Знаешь одно — есть еще, гдѣ то тамъ, далеко, далеко, вѣчное, синее небо мусатовское да тихая прозрачность левитановскихъ рѣкъ... Здѣсь же—пѣсни, да мгла, да разгуль, да одинъ припѣвъ буйный: ,Ой, жги, жги, жги...“

ХУДОЖНИЦЫ

Всеволодъ Дмитриевъ

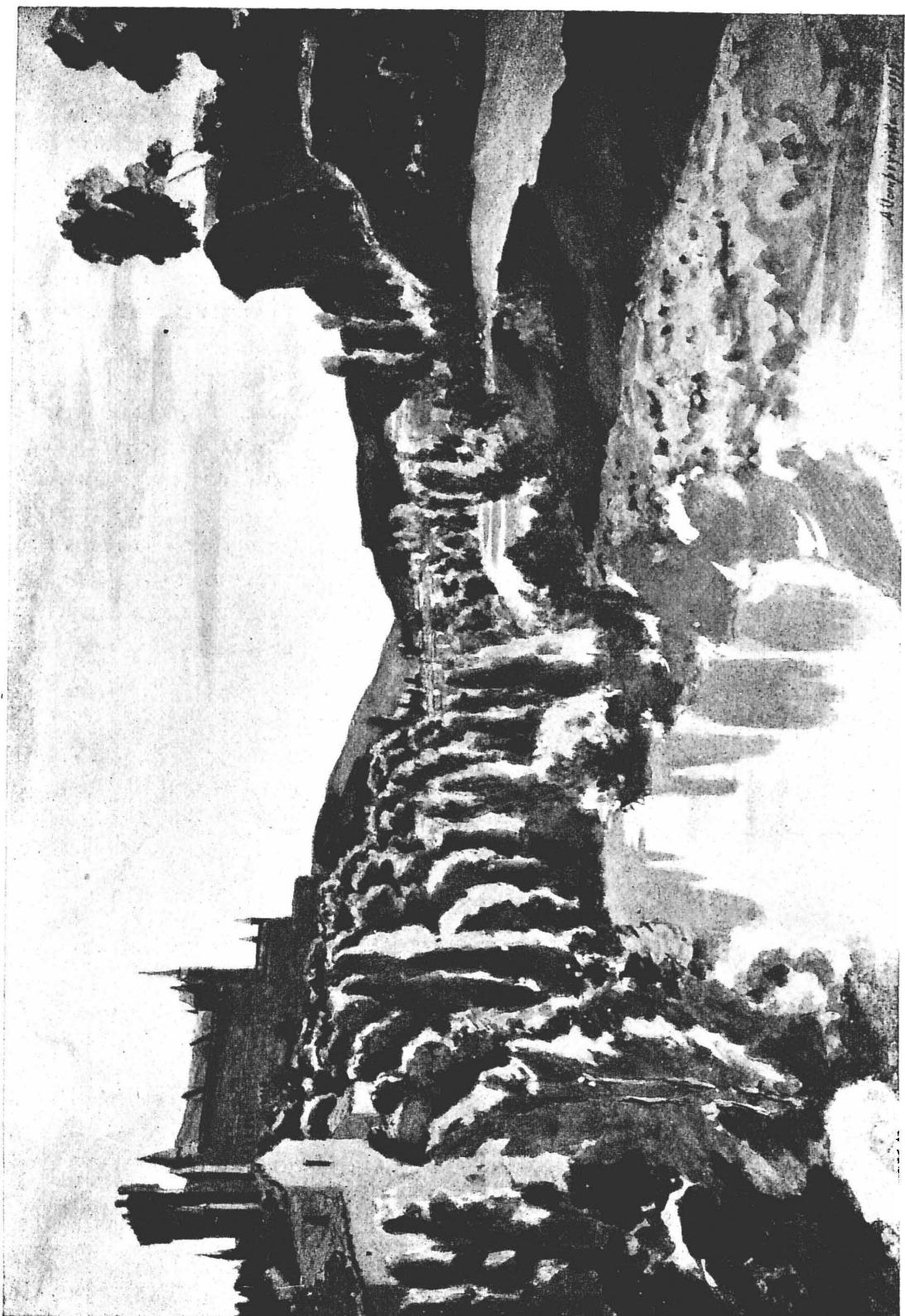

СОЗНАНИЕ особенностей и силы своего таланта — даръ столь же рѣдкій, какъ геній; обыкновенно же это осознаніе приходитъ лишь съ годами, дѣюю жизненныхъ ущербовъ и усталости, тогда, когда дѣятельная воля вкопецъ истрачена на напрасные помыслы, искѣрные поиски и иенужныя дерзанія. Зачѣмъ иенужная дерзость тому, кто родился уже безкрылымъ? Мы будемъ наблюдать лишь потѣшные прыжки и никчемную муку, и счастливъ тотъ, кто во время отказался отъ тщетныхъ потугъ, кто имѣлъ силы и гордость во время сказать себѣ твердо: у меня крыльевъ нѣть, такъ буду же достойно ходить!

Женскія творческія исканія идутъ нѣсколько по инымъ путямъ, чѣмъ мужскія; то, что художникъ добываетъ годами, тягостной борьбой и унизительными пораженіями, то же самое художницѣ, въ большинствѣ случаевъ, дается просто, какъ подарокъ, еще въ колыбели. Сама природа, явно больше оберегалъ женщину, вложила въ нее большую мѣру жизненной трезвости, спокойной разсудительности и смиренной покорности. Впрочемъ, можетъ быть, необходимо безконечное распятіе художниковъ, ихъ слѣпые взлеты и искѣпленія паденія, чтобы зато одинъ, хотя бы, изъ нихъ вкусилъ подлинное вдохновеніе; и если художницѣ женская жизненная мудрость и тактъ позволяютъ счастливо избѣгать напрасныхъ терзаній, то назовите миѣ хотя бы одну художницу, которая дѣйствительно знала бы толкъ въ возвышенномъ нектарѣ творчества?

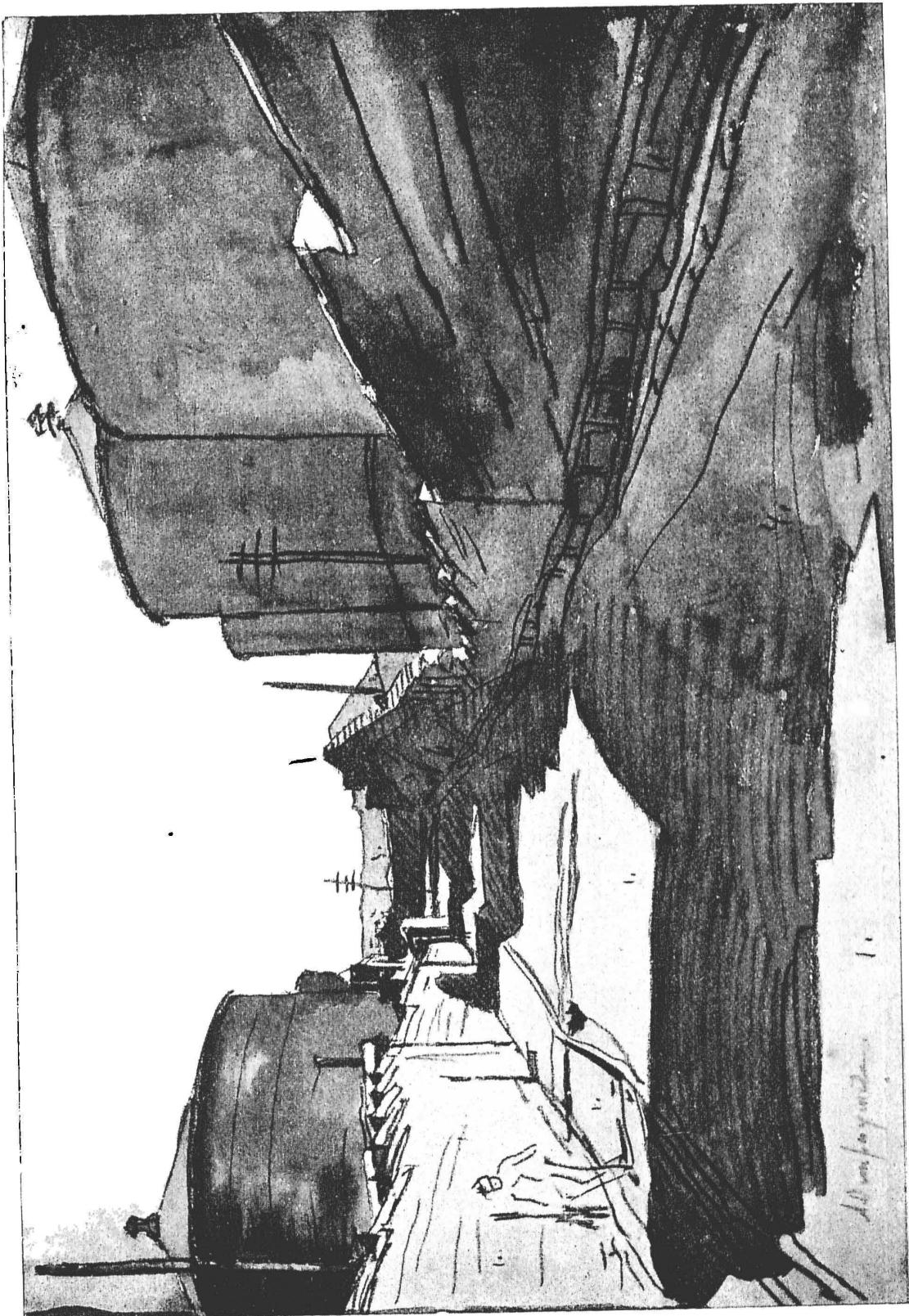
Въ міровой исторіи искусствъ мы знаемъ примѣры, когда художницы, казалось, забывали о скромномъ предназначеніи своего художества и домогались чести ковать судьбы живописи,—но это только казалось.

Ангелику Кауфманъ и Виже-Лебренъ міровая слава вознесла такъ высоко, что, поистинѣ, онѣ могли бы властно повліять на весь дальнѣйшій ходъ художественной исторіи; однако въ конечномъ счетѣ онѣ повліяли лишь на моды. Не виновата была прекрасная Ангелика, что Винкельманъ и Гете, въ благодарность за ея отличные обѣды и фальшивые портреты, пожелали увидѣть въ ней воплощенного генія. Точно такъ же не виновата была Виже-Лебренъ, если ея добросовѣстныя картинки причесокъ и костюмовъ всѣми европейскими дворами были восприняты, какъ новый Рафаэль. Вспомнимъ еще венеціанку Розальбу Карріера: ея пастели, давшія

А. П. Островская-Лебедева. *Танго в Толедо*
(акварель — 1916). (Выставка «Мир Искусства»
1916).

A. Ostrovskaya-Libedeva. *Le Tango près de Toledo* (aquarelle)
(Exposition 'Mir Iskousstva',
1916).

А. Остроумова-Лебедева. 'Une rue à Bakou' (aquarelle). (Exposition 'Mir Iskousstva').

А. П. Остроумова-Лебедева. 'Улица в Баку' (акварель).
(Выставка 'Мир Искусства', 1916 г.).

ей міровую славу, поражаютъ безмятежнѣйшой ровнотью исполненія, постоянной, одной и той же, мѣрой прелести и совершенства; однако, потому ли онѣ таковы, что Розальба въ юности была кружевницей, или же славная венецианка потому то и была прекрасной кружевницей, что всю жизнь лишь плела, равно ,плела и кружева и пастели? Тревожная душа Маріи Башкирцевой, казалось, должна была бы вывести ее изъ слишкомъ смиренного круга женскихъ дерзаний, но нѣть, и здѣсь сказалась вѣчная слишкомъ трезвая расцѣника искусства женщины, вѣчная подмѣна вдохновенія — любованиемъ, письма — ,плетеніемъ'; и когда вглядываешься въ превосходныя женскія и дѣтскія головы Башкирцевой, то хочется представить себѣ ту же художницу менѣе честолюбивой, взбудораженной и молодой... Что же, изъ нея бы вышла тогда славная единомышленница и соратница хотя бы Елизаветы Бемъ, такой же щѣниной и неподражаемой мастерть, но и столь же замкнутый въ безмятежный кругъ трудолюбиваго ,плетенія'. Ихъ щѣлая рать,— если даже возьмемъ одно лишь русское искусство,—этихъ щѣнныхъ и неутомимыхъ работницъ, изо дня въ день, изъ года въ годъ плетущихъ все то же излюбленное кружево, избравшихъ какую либо скромную прикладную часть художественаго ремесла и ее культивирующихъ съ неистощимой любовью, съ завиднымъ постоянствомъ, безъ какихъ либо паденій и отчаяній, но какъ плетутъ кружева— ровно, неторопливо и безъ конца... Полѣнова, Лагода-Шпикина, Шпакъ-Бенуа, Якунчикова, Линдеманъ, Кругликова, Сомова-Михайлова, Богуславская, Остроумова-Лебедева... всѣ онѣ отмѣчены чуткой культурностью, часто — просмотришь хотя бы мастерскія работы Остроумовой—поражаютъ глубокой душевностью, изощренностью художественного такта, но главное—въ чемъ основныя чары женского творчества и въ чемъ его вѣчная слабость — духовной тишиной, точно искусство—не страсть и не кровь. Вотъ передъ вами ,Дворцовая набережная' или ,Улица въ Баку', далѣе ,Большой Каналъ въ Венеціи', еще далѣе ,Тахо у Толедо',—всюду вы видите то же тонкое мастерство, тотъ же высокій вкусъ и ту же ровность, точно рука художницы не пишетъ, а умно и любовно плететъ—все кружева, кружева и кружева...

Въ эпохи мужественные и насыщенные паѳосомъ женское творчество, стиснутое велѣніями достаточно суровыми и жесткими—къ благу для художественныхъ судебъ и къ собственному счастью,—укладывается въ должныя рамки и не выходитъ на арену чистаго творчества, между тѣмъ какъ въ безкрылья времена упадка и пдейной разслабленности художницы вдругъ получаютъ роковую силу и возвышаются до роли вершителей художественныхъ судебъ; такъ было въ эпоху Лебренъ и Кауфманъ и такъ же было еще недавно, даже есть сейчасъ, въ русскомъ искусствѣ. Однако мы посторежемся утверждать рѣшительно: сейчасъ эпоха сентиментальная и ничтожная, потому женское творчество можетъ существенно вліять на художественные судьбы; напротивъ, мы скажемъ такъ: въ наше время русскія художницы зачастую поражаютъ высотой и размахомъ своихъ дарованій, но не

относительная ли это высота? Не объясняется ли выдающаяся роль художницы въ современной русской живописи въ значительнейшей мѣрѣ идейной ничтожностью нашей эпохи?

Въ самомъ дѣлѣ, взглядимся пристально въ представленныхъ здѣсь Серебрякову и Ходасевичъ; эти двѣ художницы достаточно типичны, какъ представительницы

двухъ важнѣйшихъ теченій русской живописи. Въ послѣднее время каждое новое произведеніе Серебряковой вызывало восторженный гулъ. Болѣе того: напримѣръ, *Крестьянки въ полѣ* положительно играли роль *«гвоздя»* выставки, той выставки, гдѣ обильное число номеровъ выставили: Яковлевъ, Лансере, Петровъ-Водкинъ, Кустодіевъ и другія славныя имена русской школы. Разгадка была въ живой цѣльности картины Серебряковой — но таково женское искусство всегда. Ничего слишкомъ вымученного и напряженно-труднаго, какъ работы Сомова или Петрова-Водкина, ничего слишкомъ легкаго и фантастичнаго, какъ работы Яковлева или Судейкина, напротивъ — все здѣсь трезво, ровно и старательно. Не слишкомъ трудно и отвлеченно, но и безъ дерзости и насыщеніи гениемъ — такова извѣтная сущность женского творчества. Вглядимся же въ самые мазки Серебряковой: они ровны и любовно-осторожны; и лицо, и руки, и небо, и траву пишетъ умѣлая рука съ однимъ и тѣмъ же ровнымъ подъемомъ, съ одной и той же

3. Е. Серебрякова.
Дѣвушка.

2. Serebriakova.
Jeune fille.

безмятежной вѣрой въ правоту своего искусствопониманія, все тѣмъ же старательнымъ и любовнымъ мазкомъ... Да вѣдь такъ плетутъ кружева, развѣ такъ создаются картины?

Валентина Ходасевичъ въ своихъ приступахъ къ искусству ничѣмъ не отличается отъ Серебряковой, какъ не отличается отъ нихъ, предположимъ, Делла-Вость-Кардовская, Гончарова или Киселева,—разница лишь въ гибкости дарованій и въ учителяхъ. Серебрякова, вѣрутъ въ Венеціанова и Сомова, а Ходасевичъ въ Сезанна и Кончаловскаго — вотъ и все. Различіе между художницами получается лишь отъ различія учителей, въ коихъ онѣ вѣрутъ, вѣрутъ же онѣ одинаково, — одинаково безусловно, чутко и покорно. Отсюда вѣчная цѣльность

З. Е. Серебрякова. П. рртетъ
Н. Г. Чулковой («асло»).

Z. Sérébriakova. Portrait de M-me N. Tchoulkoff
(huile).

З. Е. Серебрякова. Портрет няни (акварель – 1910).

Z. Serebriakova. Portrait (aquarelle).